

ва, он говорит: «Вы выбрали свет и свободу. / А я с разоренной страной остаюсь, / Мой Китеж уходит под воду. / Я вас никогда не смогу разлюбить, / Куда б далеко ни уплыли. / И буду в затопленный колокол бить, / Чтоб вы не забыли, кем были». Поэт верит в Промысел, в то, что однажды «в суете канительной / Сверкнет православного Китежа крест, / Как Родины крестик нательный. / И Китеж всплывет из былинных глубин, / Взметнув Светлояровы воды. / И скажет: «Я тоже свободу любил, / Но Родина выше свободы!»

Сегодня, пожалуй, ни у кого из русских поэтов голос, поющий Родину, не звучит столь самозабвенно, как у С. Многие пишут на эту тему часто и с болью. Но никто — с таким неизменяемым постоянством, с таким чувством незаживающей раны, с такой худож. убедительностью, внутри которой простота речи естественно сливается с духовной глубиной.

С. — лауреат премий ж. «Наш современник» (1999, 2002), Всероссийской премии «Новая русская книга» (2002).

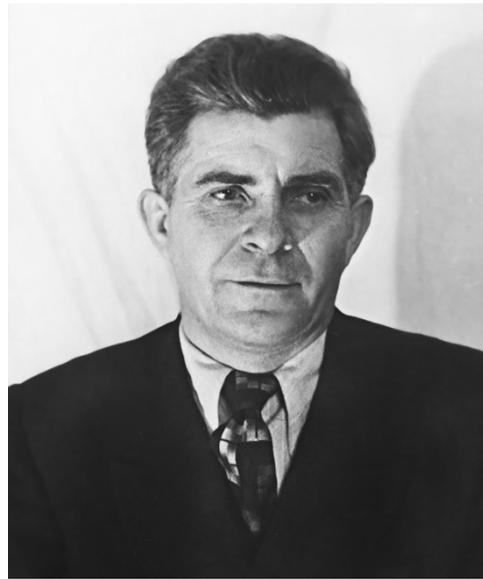
Соч.: Заповедный кордон. Самара, 1991; Свете Отчий. Самара, 1994; От земли до неба. Самара, 1995; Российский развилок. Самара, 1999; Соколики русской земли. Самара, 2002.

Лит.: Громов А. Небесная крепь [Предисл. к сб.: От земли до неба]. Самара, 1995; Переяслова М. Крестный путь поэта // К единству. 2001. № 5. С. 45; Громов А. Соколики русской земли: [К 50-летию Е. Семичева] // Русское эхо: альм. Вып. 11. Самара, 2002. С. 42–44; Лютый В. Русский песнопевец: Худож. мир стихотворений Евгения Семичева // Русское эхо. Самара. 2004. № 2. С. 61–83.

В. Д. Лютый

СЁМУШКИН Тихон Захарович [26.6(13.6). 1900, с. Старая Кутля Пензенской губ.— 6.5.1970, Москва] — прозаик, публицист.

Родился в крестьянской семье. Самообразованием добился того, что в первые после-революционные годы смог работать учителем в сельской школе. В 1922 поступил на педагогический ф-т Московского ун-та; учился заочно, без отрыва от педагогической работы. Сразу после окончания вуза (1924) принял участие в нескольких экспедициях на Чукотку с культурно-политическим заданием — организовать систему общего образования и политического просвещения в условиях Крайнего Севера, попутно пропагандируя идеи советской власти, утверждая и укрепляя социалистический строй среди далеких от европейской цивилизации северных народов.

Т. З. Сёмушкин

Подолгу проживая на Чукотке, С. проявил себя как чуткий наблюдатель быта, нравов и психологии незнакомого народа, как собиратель фольклора, обрядовых форм, характерных черт данной этнической культуры. Под непосредственным руководством В. Г. Богораза-Тана, опытного и авторитетного исследователя этносов Крайнего Севера и их культур, С. принял участие в создании чукотской письменности; он организовал первую школу-интернат для детей-чукчей, в 1928 стал ее директором; впоследствии работал в Наркомпросе, где занимался вопросами культурного строительства на Крайнем Севере. В общей сложности С. прожил среди чукотского народа 8 лет, накопив богатый фольклорный, этнографический, социально-психологический материал, переросший первоначальное значение сырых эмпирических наблюдений за традиционной культурой народа, еще не преодолевшего состояние первобытности. К 1932 у С. созрело намерение выразить накопленные впечатления в лит. форме. На протяжении 1930-х начинающий писатель работал над книгой «**Чукотка**» (кн. 1–2. 1938–40).

Сюжетом повести послужил автобиографический эпизод — проезд группы русских советских учителей на Чукотку с целью создания первой национальной школы. Собственно культурно-просветительская цель делегации дополняется политической: «старший брат» был призван помочь «младшему» перешагнуть исторические границы первобыт-

но-общинного строя, искоренить суеверия и шаманство, дикие обычаи и предрассудки, внедрить новые, цивилизованные формы быта в старые яранги, установить новые общественные понятия и отношения. Речь шла, таким образом, о проведении культурной революции на Чукотке, а вместе с нею — и революции социальной, политической.

С. увлекла идея показать историческую встречу двух удаленных друг от друга — колоссальными, труднопроходимыми пространствами и многовековой культурной историей — народов: русской и чукотского. Впервые начатый диалог этих глубоко различных и контрастных культур, воссозданный в повести, оказывается плодотворным и поучительным для обоих народов: преодолевая взаимное недоверие и удивление, настороженность и сдержанность, русские и чукчи постепенно узнают друг друга, проникаются теплыми, дружественными чувствами, начинают трудный путь взаимного интереса и сближения. С. предрекает, что у русских учителей национально-культурное предрешение к отсталым народам «перейдет в теплое, хорошее чувство по мере того, как они будут узнавать чукотский народ». В свою очередь, для чукчей открывается целый мир науки и техники, новых форм быта, новых идей, нового общественного строя. «Никогда еще до сих пор представления охотников не выходили за пределы окружающей их действительности. Теперь дети, а с ними и родители разговаривали о Большой земле, до того совершенно им неведомой». Особо С. подчеркивает необходимость усвоить непростую истину: культурно-исторически более «продвинутые» народы не должны «снисходить» к своим отсталым родственникам, не должны опускаться до сентиментально-снисходительного отношения или созерцательного любования, подчас умиления природной свежестью мировосприятия примитивных народностей. Гуманизм предполагает требовательность к малому народу, а не жалость, не скидки на его «национальное происхождение», а уважение и доверие к нему.

Все начинается с создания школы; интерес к школьным делам, к тем знаниям и интересам, которые обретают в школе чукотские дети, а от них перенимают их родители, приводит к расширению географического, культурного, мировоззренческого, наконец, политического кругозора целого народа. Вместе с просвещением и цивилизацией русские принесли чукотскому народу право строить социализм «по самой полной программе», а русский народ впервые почувствовал свою

культурную и политическую ответственность за судьбы малых народов, которым он открыл социальное и политическое будущее на длительную историческую перспективу. Сюжет повести — создание национальной школы в отдаленном, отсталом и суровом крае — обретает у С. символическое звучание: еще вчера дикий и невежественный народ сегодня в собственной школе сдает экзамен на социальную зрелость, становясь частью единого советского народа, а строительство школы ассоциируется со строительством новой жизни, пробуждением гражданского самосознания. Однако и в 1-й ред. — «**На Чукотке**», писавшейся как кн. очерков, и во 2-й ред. — «Чукотка», создававшейся как цельная повесть, публицистическое и научно-популярное начала заметно преобладают над беллетристическим и собственно худож. аспектами.

Привлечение необычного этнокультурного и бытового материала, свежесть непосредственных впечатлений автора, глубокое проникновение во внутренний мир и поведение чукчей, точное и конкретное бытописание — все это явилось залогом успеха повести С. в 1930-е, когда она была почти сразу включена в «золотой фонд» советской, в том числе детской лит-ры. Вместе с тем в самом замысле первого лит. произведения С., в развитии его сюжета и системы образов, подчас в самом его речевом строе чувствовались идеологическая заданность, политическая иллюстративность, концептуальный схематизм, декларативность (торжество ленинско-сталинской национально-культурной и образовательной политики; осуществление культурной революции в жизни периферийного региона; морально-политическое единство советского народа, развитие дружбы народов Советского Союза и т. п.).

Еще в большей степени печать времени несет на себе др. крупное произведение С. — 2-томный роман «**Алитет уходит в горы**» (1947–48). Действие романа происходит на Чукотке в тот переломный исторический момент, когда «Октябрь ломал старые устои России, и отголоски его, как океанская зыбь, доходили все сильней и сильней» (фраза из начала романа). Роман отразил послевоенную идеологию «холодной войны», кампанию борьбы с буржуазным космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, расхожие штампы антиамериканизма. Чукотка показана как полуколониальная территория (уже с середины XIX в.), затронутая процессами капитализации, товарно-денежного обмена со стороны предприимчивых и наглых

янки (например, мистер Томсон, по прозвищу Чарли Красный Нос, приспособивший к чукотскому стойбищу Лорен, «как лишайник к камням»). Заглавный герой романа Алитет, чукотский кулак, человек волевой и инициативный, но жестокий и беспринципный, перенимает у «американов» принципы наживы, не брезгуя никакими средствами ради нее, включая ложь, насилие, обман, хищническое истребление природных богатств, попрание народных обычаев и традиций. Писатель обыгрывает чукотское самоназвание «луораветлян» («настоящий человек»): такие люди, как Томсон или Алитет, не являются «настоящими людьми», но оказываются вырожденками, нелюдями.

Проамерикански настроенным чукотским капиталистам в романе противостоят приезжие русские — молодой ленинградский ученый Жуков и член Камчатского ревкома Лось. Это посланцы революции и будущего социализма в край вековой отсталости и темноты. Идеологическая схема романа предполагает, что большинство чукотского народа идет за Жуковым и Лосем и отвергает капиталистический путь развития соседней Америки; в решающий момент народы Севера совершают свой социальный выбор в пользу советской власти, социализма, сталинской конституции и СССР, осуществляя «скачок» из одной исторической эпохи в другую. В этом, по мысли автора, проявляется жизнелюбие и оптимизм чукотского народа. Однако правдивый наблюдатель этнокультурной жизни и опытный бытописатель, С. не выпрямляет пути, который предстоит пройти чукотскому народу: освобождение чукчей от старых обычаев и предрассудков, родовой морали, вековых мифологических и религ. представлений, преодоление тотемического страха перед всевозможными запретами и карами за их нарушение — это процесс длительный, драматический, трудный для каждого человека, требующий глубоких социокультурных изменений, ломки характеров, традиций и психологии целого этноса. Мн. критики сравнивали роман по масштабу охватываемых явлений, достоверности и аналитизму с научным исследованием. В 1949 роман С. закономерно был удостоен Сталинской (Гос.) премии. В 1952 писатель был принят в ряды КПСС. Его произведения, особенно роман, были переведены на мн. яз. и неоднократно переиздавались.

В 1955 С. принял участие в экспедиции за Полярный круг, отразив свои впечатления в брошюре «**Полет в Арктику**» (1956). В это же время он создал новую ред. повести

для детей «**Спасение Талеко**» (1946) под названием «**Приключения Айвама**» (1955). В 1968 писатель издает книгу «**Угрюм-Север. Встречи, впечатления, рассказы**», в которой произведения разнообразных жанров сливаются в одно органичное целое. Если в наши дни не всех удовлетворяет худож. качество «традиционной» прозы С. (тяготеющей к описательности, но при этом, однако, умело стилизующей характер мировосприятия и образ мышления чукчей), то безусловной остается ее этнографическая и историко-познавательная ценность.

Соч.: На Чукотке: Очерки. Хабаровск, 1938; Жизнь во льдах. М., 1957; Избранные произведения: в 2 т. / вступ. статья В. Борисовой «Романтика без экзотики (О творчестве Тихона Семушкина)». М., 1970; Алитет уходит в горы: роман: в 2 кн. М., 1988.

Лит.: Хмельницкая Т. Свежесть мира // Звезда. 1939. № 7–8; Рясенков Б. Большевики приходят в тундру // Сибирские огни. 1949. № 3; Никитин М. Два закона // Дружба народов. 1949. № 4; Тарасенков А. Возрожденный народ // Идеи и образы советской литературы. М., 1949; Зелинский К. [Послесл.] // Семушкин Т. Алитет уходит в горы. М., 1965; Солоухин В. О Тихоне Семушкине и его книгах // Семушкин Т. Алитет уходит в горы. М., 1966; Макаров А. [Предисл.] // Чукотка: повесть. М., 1967; Борисова В. Певец Севера: [Некролог] // Дальний Восток. 1970. № 6; Очерки русской литературы Сибири: в 2 т / под ред. академика А. П. Окладникова. Т. 2. Новосибирск, 1982.

И. В. Кондаков

СЕРАФИМОВИЧ Александр (настоящее имя Александр Серафимович Попов) [7(19).1. 1863, ст. Нижне-Курмоярская Обл. Войска Донского — 19.01.1949, Москва] — прозаик.

Вырос в донской ст. Усть-Медведицкая (с 1933 город Серафимович), в семье казачьего офицера, и до 1883, до окончания гимназии, поступления в Петербургский ун-т, воспитывался на Дону, в казачьей среде, в духе особой сословно-патриархальной гордости прошлым Войска Донского, среди роскошной природы северного Дона. Усть-Медведицкая — древний «казацкий стан» на реке Медведице — была богатейшей станицей с несколькими церквями, красивейшим Преображенским монастырем, училищами и гимназией. Послужной список отца, с шестнадцати лет ушедшего в полк, воевавшего в Малой Чечне, имевшего много наград, пленившего неких горских князьков, его характер придавали семье Поповых и Дубовских (по линии матери будущего писателя) высокий статус. Из рода Дубовских вышел и знаменитый пейзажист, ученик